ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2026–2027 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

I. [35 баллов] КОМПЛЕКТАЦИЯ БИБЛИОТЕКИ

1. [12 баллов] Онлайн-ресурс собирает книги, которые подошли бы современным читателям, вашим ровесникам, желающим понять, как была устроена жизнь юношей и девушек в конце XIX – начале XX века. Посоветуйте три реально существующие книги, которые могут быть интересны современному читателю. Напишите имена авторов и названия произведений.
2. [23 балла] Опишите одно из этих произведений подробнее. Не пересказывая сюжет, расскажите о тематике и проблематике книги, главных героях, дайте характеристику жанру, опишите стиль автора. Постарайтесь определить, чем эта книга может быть интересна. Объём – около 250 слов.

Критерии оценки

1. За имя и фамилию автора – 2 балла. За название книги – 2 балла. Всего 12 баллов. Любая ошибка в названии или имени автора снимает 0,5 балла.
2.

Критерии оценки	**Баллы**
Продемонстрировано знакомство с текстом: названы герои, определены тематика и проблематика. Наличие/отсутствие фактических ошибок (при достаточном объёме текста и очевидном знакомстве с ним)	0–10
Описан стиль автора, а также жанр и/или форма произведения	0–8
Мотивированность обращения именно к этой книге	0–3
Общая грамотность: наличие/отсутствие речевых, стилистических, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок	0–2
Итого	23 балла

Всего за задание 35 баллов.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 400–450 слов.

Вариант 1

Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939)

«АТЛАНТИДА»

Обычно первым приходит Урениус, – когда в подвале полутемно и лишь одной лампочкой освещены тугие кожаные диваны, столы, протёртые воском, и чистый кафельный пол. В два часа ночи, когда нас попросят о выходе (а мы будем спорить и возмущаться, крича, что часы нарочно поставлены на десять минут вперёд), он будет усеян окурками, на столах, покрытых засаленными ковриками, будут рассыпаны карты, и стулья застынут в разнообразных и выразительных, порой причудливых сочетаниях, поодиночке и группами, как действующие лица в последней сцене «Ревизора».

Урениус снимает пальто, достаёт из обшмыганного кармана газету и садится под лампочку. Минут через двадцать приходит Архангельский с чемоданом и зонтиком. В чемодане – чулки, мундштуки, стеклянные бусы, мозаичные брошки, кольца с поддельными крупными рубинами и сапфирами, – всё это между делом будут разглядывать и примерять наши дамы, а он будет рассказывать, что точно такие же кольца или бусы купила вчера одна богатая англичанка.

Поставив чемодан в угол, он бережно развешивает пальто, шляпу, клетчатый шарф, подходит к Урениусу, трогает за плечо и кричит в ухо:

– Боюсь опять зонт забыть. Я намедни его тут забыл!

Урениус поднимает свою лохматую голову, улыбается мягким широким ртом и говорит:

– Да, да, с удовольствием сделаем. Вот как только придут.

По лестнице медленно спускается на распухших ногах мадам Цвик.

– Ах, опять эта паршивая темнота! – говорит она. – Господин Архангельский, скажите Андрэ, чтобы сейчас дал нам свет.

– Да погодите, ведь ещё нет никого.

– Но я не хочу сидеть в темноте. Благодару вас. Успею ещё на неё насмотреться в могиле.

Тут появляются ещё два человека. Опытный кинематографщик не стал бы до времени показывать их лица. Он показал бы лестницу и на ней, за литыми столбиками перил, две пары ног, приближенных к самому носу зрителя. Одна пара – в галошах, над которыми трепыхают обтрёпанные края старых забрызганных уличной грязью брюк. Другая – в ботинках, не то чтобы вовсе шикарных, но добротных, на толстой, крепкой подошве и хорошо начищенных. Спускаясь, первые ноги обнаруживают старческое дрожанье над вытянутыми, лоснящимися на коленях брюками. Видно по всему, что принадлежат они

человеку бедному и если не робкому от рождения, то как бы некогда оробевшему уже раз навсегда. Вторые ноги ступают тоже не молодо, но крепко, и даже грузно; на них тёмно-коричневые, из хорошей материи брюки с приличной складкой.

Освещение падает на лестницу только сбоку, из верхней залы, и, спускаясь, новоприбывшие постепенно погружаются в полумрак. Вот уже их смутные очертания здороваются с мадам Цвик, с Архангельским. Все четверо удаляются в глубину подвала. Оттуда доносятся их смутные голоса. Там составят они ежевечернюю партию. Урениус всё читает газету под лампой.

Меж тем приходят Яша Литинский и Чернолесов, золотая молодёжь наша, чистые парижане, – Яша уже два года как стал французом. Он картавит, он говорит с пренебрежительной миной, – в сущности, он заехал сюда просто так, посмотреть, что делается, может быть, он даже не останется, а уйдёт в синематограф или к одной девочке – ещё неизвестно. Чернолесов – вроде спортсмена: зимой и летом без шляпы, высокий рост, загар, шея голая, усы ниточкой. Лучше с ним не играть, но мадам Симплонская, которую бросил муж, считает, что, несмотря на полноту, она – нормальная здоровая женщина, у которой есть свои, женские надобности. Поэтому она играет с Чернолесовым каждый вечер.

Ради таких гостей, как Яша и Чернолесов, уже стоит дать свет. Хозяин, не отходя от кассы, протягивает руку к мраморному распределителю – и подвал озаряется. Теперь видны цветные картинки, развешанные на его тёмно-красных, с золотыми нашлёпками, обоях. Картинки изображают скачки. Лошади с раздутыми ноздрями мчатся в неистовом посыле, вытянув шеи и не касаясь земли; их нахлёстывают сгорбленные жокеи в разноцветных вздутых камзолах; вдали мутнеют трибуны с неясной россыпью зрителей. На других картинках лошади скачут и падают в расплывчатой глубине, а на первом плане – зелёный газон, голубые и розовые платья, военные мундиры прошлого столетия; узкие рединготы, серые цилиндры и кружевные зонтики. Всех картинок пять. Шестую в позапрошлом году расшиб пьяный негр. Чтобы закрыть дырку в обоях, хозяин повесил снимок с картины Брейгеля, купленный за франк вместе со стеклом; человеческие головы, лишённые туловища, похожие на уродливые картофелины, стремятся пожрать друг друга; самая тощая носатая морда воткнула единственный зуб в самую толстую, как тупой нож в подушку.

Одна за другой составляются партии: столов шесть или семь, а под праздники и того больше. Андрэ мечется от стола к столу, раздавая колоды карт, гремя блюдцами и стаканами, принимая заказы. Игра начинается. В воздухе повисают первые полосы табачного дыма, с разных сторон доносятся привычные возгласы.

Переселившись в Европу и сменив задумчивый винт и степенный преферанс на более нервный бридж, мы уже не говорим, как отцы и деды говаривали: «пикенция», «бардадым», «а я вашу дамочку по усам» и тому подобное, а говорим – «трефандопуло», «пик-пик-пик», «слышен звон бубенцов». Порой

откуда-нибудь доносится грозное: «контр!» – и ядовитое, с присвистом: «спор-контр», а потом ещё более злорадное: «а вот я тебя отучу контрировать».

В общем, играем мы нервно – эпоха, так сказать, чеховская, с мягким шелестом карт и поэзией зимней ночи, отошла в прошлое. В подвале у нас стоит гам. Иной раз хозяин, свесившись через перила, водворяет тишину грозным хлопаньем в ладоши. Тогда мы опасливо притихаем, а мадам Симплонская заглядывает в глаза Чернолесову, жмёт круглой коленкой его колено, либо, налив кофе на блюдечко, угощает вертлявую свою собачонку, у которой во рту глисты.

(1938)

Вариант 2

Сергей Маркович Гандлевский (род. 1952)

***

Среди фанерных переборок
И дачных скрипов чердака
Я сам себе далёк и дорог,
Как музыка издалека.
Давно, сырым и нежным летом,
Когда звенел велосипед,
Жил мальчик – я по всем приметам,
А, впрочем, может быть, и нет.

– Курить нельзя и некрасиво…
Всё выше старая крапива
Несёт зловещие листы.
Марина, если б знала ты,
Как горестно и терпеливо
Душа искала двойника!

Как музыка издалека,
Лишь сроки осени подходят,
И по участкам жгут листву,
Во мне звенит и колобродит
Второе детство наяву.

Чай, лампа, затеррасный сумрак,
Сверчок за тонкою стеной
Хранили бережный рисунок
Меня, не познанного мной.
С утра, опешивший спросонок,
Покрыв рубашкой худобу,
Под сосны выходил ребёнок
И продолжал свою судьбу.

На ветке воробей чирикал –
Господь его благослови!
И было до конца каникул
Сто лет свободы и любви!

(1973)

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёхбалльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятёрке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценки	**Баллы**
Понимание текста: последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	0–15
Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	0–10
Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Итого:	40

Всего 75 баллов.